

ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ЛЕБЕДЕВА НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА,

доктор психологических наук,
профессор кафедры организационной
и рефлексивной психологии факультета психологии
Государственного университета — Высшей школы экономики.
Электронный адрес: lebedhope@yandex.ru

ТАТАРКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник кафедры организационной
и рефлексивной психологии факультета психологии
Государственного университета — Высшей школы экономики.
Электронный адрес: atatarcko@hse.ru

В статье отражена взаимосвязь ценностей культуры и социального капитала с социально-экономическим развитием. Анализируется проблема социального капитала, его составляющие и показатели. Предлагается новый теоретико-методологический подход к группировке культурных ценностей опросника Шварца, основанный на результатах факторного анализа и осмыслении ценностных приоритетов личности в русской культуре. Приводится оценка взаимосвязи культурно-специфических ценностей и других культурных факторов (временная перспектива и уровень религиозности) с социально-экономическими установками россиян.

Ключевые слова: культура; индивидуализм; социальный капитал; институты.

The article reflects the correlation between the cultural values, the social capital and social-economic development. The article analyzes the social capital problem, its components and indicators. A new theoretical and methodological approach to the grouping of cultural values of Schwartz's questionnaire, based on the factor analysis and understanding of individual value priorities in Russian culture is disclosed. This article provides the relationship assessment of specific cultural values and other cultural factors (time perspective and the religiosity level) to social-economic attitudes of Russians.

Keywords: culture; individualism; social capital; institutions.

Коды классификатора JEL: J24, Z10, Z13.

Современные исследования экономистов, социологов и политологов привлекают внимание научного сообщества к тому, какую роль играют некоторые культурные, социальные и социально-психологические факторы в обеспечении благосостояния общества и детерминации экономического поведения людей (Altman, 2001, 379–391; Dayton-Johnson, 2001; Fukuyama, 1999; Inglehart, 2000, 80–97).

Главная идея состоит в том, что социальное и экономическое развитие стран зависит не только от наличия ресурсов, технологических достижений и других чисто экономических и структурных факторов, но также от культурных ценностей, которые разделяют люди, живущие в тех или иных странах, от уровня и качества их социальных взаимоотношений и норм, регулирующих эти взаимоотношения.

По мнению многих авторитетных зарубежных специалистов, культура имеет значение и оказывает влияние на социально-экономическое развитие. В кросс-культурной психологии и смежных науках предложен ряд теоретико-эмпирических подходов к измерению культурных отличий и их связей с социально-экономическим развитием (Hofstede, 2001; Inglehart, 1997; Leung and Bond, 2004, 119–197; Schwartz, 2004, 43–73).

1. ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Ценности, доминирующие в обществе, и показатели социального капитала хорошо подходят для анализа изменений, происходящих в культуре и личности в ответ на исторические и социальные изменения. В исследовании Хофстеда выявлены значимые позитивные взаимосвязи Индивидуализма с уровнем экономического и политического развития, при этом с увеличением уровня благосостояния Индивидуализм приобретает обратно пропорциональную связь с экономическим ростом. Избегание неопределенности и Дистанция власти, в целом, имеют негативные корреляции с показателями экономического и политического развития (Hofstede, 2001). По измерениям Инглхарта выявлено, что ценности выживания и традиционные ценности свойственны более бедным и менее демократичным странам, а ценности самовыражения и секулярно-рациональные — более богатым странам с более развитой демократией (Inglehart, 1997). В измерениях Шварца показатели экономического развития позитивно коррелируют с Автономией и Равноправием и негативно — с Принадлежностью (Консерватизмом) и Иерархией. Уровень демократизации позитивно коррелирует с Автономией, Равноправием, Мастерством и с уровнем национального благосостояния. Автономия, Равноправие и Гармония связаны с отсутствием коррупции, а Принадлежность, Иерархия и Мастерство позитивно связаны с высокой коррупцией в обществе (Schwartz, 2004, 43–73).

Что касается России, то по измерениям Хофстеда она отличается средними значениями по шкале Индивидуализма и высокими — по шкале Дистанции власти. По измерениям Инглхарта Россия, будучи близкой к полюсу выживания, в то же время весьма рационалистична. Россия на карте Шварца в настоящее время находится в поле пересечения Принадлежности, Иерархии и Мастерства. По измерениям Бонда и Леунга она отличается умеренно-высокими значениями Динамической экстернальности (оптимистичной веры в прогресс) и Социального цинизма (убежденности в злобности социальной системы) (Leung and Bond, 2004, 119–197).

Такой ценностный профиль свидетельствует о том, что культура данной страны формировалась в трудных экологических условиях, изначально в ней был высок уровень коллективизма и иерархии, в настоящее время ее члены больше стремятся к индивидуальному успеху и достижениям, что в сочетании с ценностями групповой принадлежности и иерархии способствует высокому уровню коррупции. В ней слабо развиты институты демократии и низка ценность личной свободы. В то же время у нее есть явно выраженный потенциал и вектор развития прежде всего в сфере экономики, о чем свидетельствует высокий уровень ценностей Мастерства, что при условии роста ценностей Равноправия может способствовать демократизации политических и социальных институтов.

Согласно результатам исследования по измерениям Шварца на рубеже XX–XXI веков по Мастерству и Интеллектуальной Автономии российские студенты обогнали не только восточноевропейских, но и западноевропейских сверстников, и даже российские учителя сравнялись по ценностям Мастерства с западноевропейскими коллегами (Лебедева, 1999).

В последние десятилетия, наряду с экономическими и культурными факторами, в качестве важнейших для развития общества стали рассматриваться социальные факторы, отражающие специфику взаимоотношений людей в определенных социально-экономических условиях. В этой связи понятие «капитал» стало трактоваться более широко, стали выделяться его различные формы (Радаев, 2005). Среди них больше всего нас интересует социальный капитал.

Согласно свидетельству Ф. Фукуямы, термин «социальный капитал» впервые употребил Линдой Ханифан в 1916 году для описания общинных школ в сельской местности, а в 1980-е годы термин «социальный капитал» был введен в широкий оборот социологом Д. Колменом и политологом Р. Патнэмом (Хантингтон и Харрисон, 2002).

Р. Патнэм в книге «Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии» определяет данное понятие следующим образом: «Социальный капитал — это уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем». Чтобы демократия работала, необходим социальный капитал, считает Р. Патнэм (Коулман, 2001, 122–139; Патнэм, 1996, 224).

Известный отечественный специалист в области экономической социологии В.В. Радаев определяет социальный капитал как «совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций» (Радаев, 2005, 129).

Таким образом, все определения социального капитала сводятся к указанию на то, что это некий ресурс, в который конвертируются отношения между участниками социального взаимодействия, характеризующиеся взаимной ответственностью, а также благонадежностью и доверием.

Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Социальный капитал, наряду с другими формами капитала, способствует благосостоянию и конкурентоспособности нации. Недостаточно высокий социальный капитал не позволяет построить полноценное рыночное общество, даже если общество формально перешло к рыночной экономике.

При обсуждении проблемы социального капитала возникает вопрос о его составляющих и показателях. Главным из них, или «ядром», является *доверие*. Френсис Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом. Если члены группы ожидают, что их сотоварищи будут вести себя надежно и честно, значит, они *доверяют друг другу*» (Хантингтон и Харрисон, 2002, 129). Доверие, являясь основным компонентом социального капитала, играет роль своеобразной «смазки», позволяющей группе или организации функционировать более эффективно. Любое общество обладает тем или иным запасом социального капитала, реальные различия между обществами обусловлены так называемым «радиусом доверия». То есть кооперативные нормы, честность, взаимность могут практиковаться в отношении небольших групп людей, не затрагивая остальных членов того же общества (Хантингтон и Харрисон, 2002, 129).

Гражданская идентичность как компонент социального капитала

Если проводить аналогию — доверие является своего рода смазкой «социального механизма», позволяющей ему функционировать быстро и без сбоев. Однако, с нашей точки зрения, необходимо учитывать еще ту реальность (можно назвать ее «социальным клеем»), которая скрепляет детали «социального механизма». Эту роль в общественных отношениях выполняет гражданская идентичность.

Единая гражданская идентичность имеет большое значение для экономического развития общества. По свидетельству специалистов, «огромную роль в экономических отношениях стран Восточной Азии играет чувство национальной гордости и патриотизма (Селищев и Селищев, 2004, 30). Таким образом, гражданская идентичность является важным фактором, выполняющим интеграционную функцию в процессе экономического развития.

Каким образом можно оценить состояние гражданской идентичности? С нашей точки зрения, гражданская идентичность, как и этническая, имеет две важных характеристики — определенность (степень четкости, ясности, оформленности) и валентность (степень позитивности-негативности).

Определенность групповой (гражданской, этнической) идентичности чрезвычайно важна для человека, как социального существа. Д. Тейлор считает, что Я-концепция личности является важнейшим конструктом для объяснения успешности или неуспешности различных групп в обществе. При этом коллективная (гражданская, этническая) идентичность — центральный компонент Я-концепции личности. Последствия, возникающие при «размывании» групповой идентичности, катастрофичны для группы как для целостного субъекта и для индивида как личности. Разрушение гражданской идентичности ведет к *коллективной демотивации*, которая характеризуется пассивностью, отчуждением от общественной жизни, отсутствием долговременной перспективы (Taylor, 2002).

Помимо определенности, важной характеристикой гражданской идентичности является ее валентность (степень позитивности-негативности). Во многих социально-психологических исследованиях (Татарко, 2002) показано, что позитивная групповая идентичность сопряжена с позитивным отношением к представителям инокультурных групп. Таким образом, позитивность гражданской идентичности улучшает социальное

взаимодействие. Она способствует самоуважению личности, национальной гордости, а значит, и желанию работать над развитием своей страны, что, без сомнения, является социальным капиталом. Но, пожалуй, самым важным моментом является то, что позитивная гражданская идентичность объединяет и сплачивает людей, что является, возможно, первостепенным условием процветания для такого поликультурного общества, как Россия.

Исследования доверия в России и других странах

Представление о состоянии социального капитала России и его динамике дают исследования, проведенные с помощью Мирового опросника ценностей (*World Values Survey*). С помощью данной методики, начиная с 1989 года, проводятся регулярные «срезы», позволяющие оценить состояние обществ, принимающих участие в данном исследовании (<http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs>).

Нами был проведен сравнительный анализ межличностного доверия в России и ряде других стран. Для анализа были выбраны результаты опросов в 1989–1990 году и 1999–2000 годах. На рис. 1 представлены данные, характеризующие уровень *межличностного доверия* в Японии, Китае, России, Швеции и США в 1990–2000 годах.

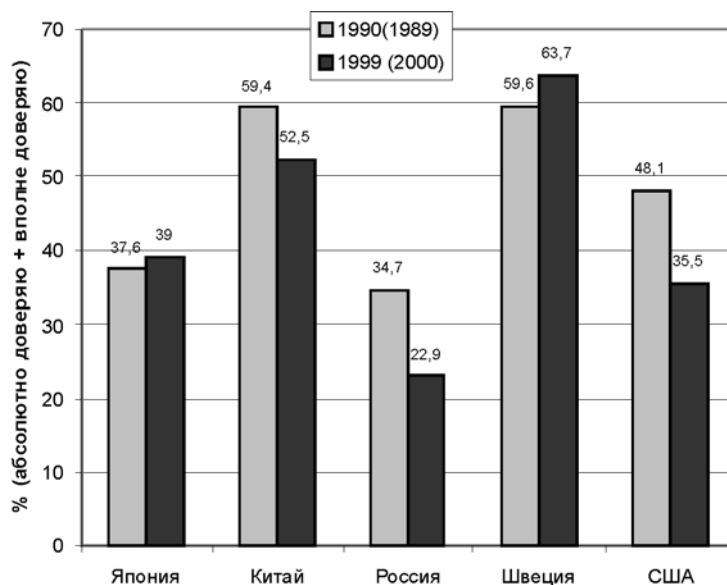

Рис. 1. Уровень межличностного доверия в различных странах

Результаты, представленные на гистограмме, позволяют, прежде всего, отметить, что уровень межличностного доверия в России довольно низок. При этом он снизился с 34,7% в 1990 году до 22,9% в 1999 году. С нашей точки зрения, такое падение уровня доверия можно интерпретировать как процесс разрушения старого социального капитала, который в нынешних условиях стал непродуктивным. Вместо него должен сформироваться новый социальный капитал, основанный не на безрассудном доверии (которое было в советское время и которым воспользовались разработчики различных финансовых пирамид типа АО «МММ»), а на рациональном, разумном доверии. В странах бывшего советского блока уровень доверия также невысок в настоящее время — в Словении и Венгрии уровень доверия, соответственно, 14% и 18%, видимо, в этих странах идут аналогичные процессы (Веселов, 2004).

Довольно высок уровень доверия в странах со стабильной демократией, таких как Швеция, США. В Японии уровень доверия был всегда традиционно высоким, а вот в Китае социальный капитал в настоящее время довольно высок вследствие национальной мобилизации на пути к экономическому развитию.

Обзор зарубежных и отечественных исследований социального капитала, временной перспективы, субъективного благополучия и других индикаторов развития общества показал, что Россия в начале 90-х годов по своим социально-культурным характеристикам в целом не была готова к бурному экономическому росту даже при условии формального

перехода к рыночной экономике: социальный капитал в России был довольно низким; с началом экономических реформ временная перспектива россиян либо сильно сократилась, либо стала полностью неопределенной; субъективное благополучие и удовлетворенность качеством жизни россиян, по сравнению с жителями Западной Европы, США и странами Латинской Америки, были довольно низкими (Лебедева и Татарко, 2007).

2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЯН

В рамках проекта «Динамика базовых ценностей россиян и их взаимосвязь с установками экономического поведения (1999–2005 гг.)» был проведен опрос двух поколений россиян (общая численность выборки — 903 респондента) в разных регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, г. Балашов Саратовской области) с целью выявления динамики ценностей россиян и их влияния на установки экономического и социального поведения.

Методический инструментарий состоял из шести основных блоков, направленных на изучение следующих конструктов: культурных ценностей, социального капитала, субъективного благополучия, субъективного восприятия экономического положения, политических установок, временной перспективы, уровня религиозности и других.

С помощью культурно-универсальной методологии группировки ценностей, предложенной Ш. Шварцем (**Консерватизм — Автономия, Иерархия — Равноправие, Мастерство — Гармония**), выявлена следующая динамика ценностей: выборка учителей в 2005 г. по сравнению с 1999 г. демонстрирует рост значимости ценностей **Консерватизма, Иерархии и Гармонии**, причем значения по этим блокам ценностей превышают средние показатели Западной и Восточной Европы; у студентов наблюдается значимый рост ценностей **Консерватизма** (выше аналогичных показателей стран Западной и Восточной Европы) и ценностей **Равноправия** (ниже западноевропейских и восточноевропейских усредненных значений) (табл. 1).

Таблица 1

Достоверность различий средних значений по блокам ценностей в странах Западной и Восточной Европы (1992–1996 гг.) и в России (1999 и 2005 гг.)

Блоки ценностей	Учителя				Студенты			
	Вост. Евр.	Запад. Евр.	Россия (1999)	Россия (2005)	Вост. Евр.	Запад. Евр.	Россия (1999)	Россия (2005)
Консерватизм	4,15	3,51	4,38	4,54***	3,83	3,32	3,71	3,88*
Иерархия	2,19	1,28	3,05	3,28**	2,23	2,01	3,10	3,17
Гармония	4,24	4,30	4,28	4,41*	4,11	4,05	3,69	3,59
Равноправие	4,74	5,35	4,93	4,79	4,63	5,21	4,27	4,40**
Интеллектуальная автономия	4,15	4,60	4,05	4,25	4,23	4,61	4,65	4,37
Аффективная автономия	3,13	3,76	2,95	3,80	3,78	4,23	3,98	4,02
Мастерство	3,84	3,98	3,98	4,19	4,22	4,27	4,43	4,54

*** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$

** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$

* — различия достоверны на уровне $p < 0,05$

Сравнение данных России с некоторыми странами Европы и Азии показало, что по блокам ценностей «коллективистского» полюса (Консерватизм, Иерархия и Гармония) Россию можно отнести скорее к странам развивающейся Азии, а по блокам ценностей «индивидуалистического» полюса (Равноправие и Автономия) — к странам развивающейся Европы, т.е. для развития по европейскому пути в России недостаточно развиты ценности Автономии и слишком велики ценности Консерватизма и Иерархии.

К сожалению, довольно мало связей выявлено между блоками ценностей по Шварцу и показателями социального капитала. Это может свидетельствовать о том, что данные блоки ценностей не являются существенными «мотиваторами» экономических установок и поведения россиян, что обусловлено их низкой культурной специфичностью.

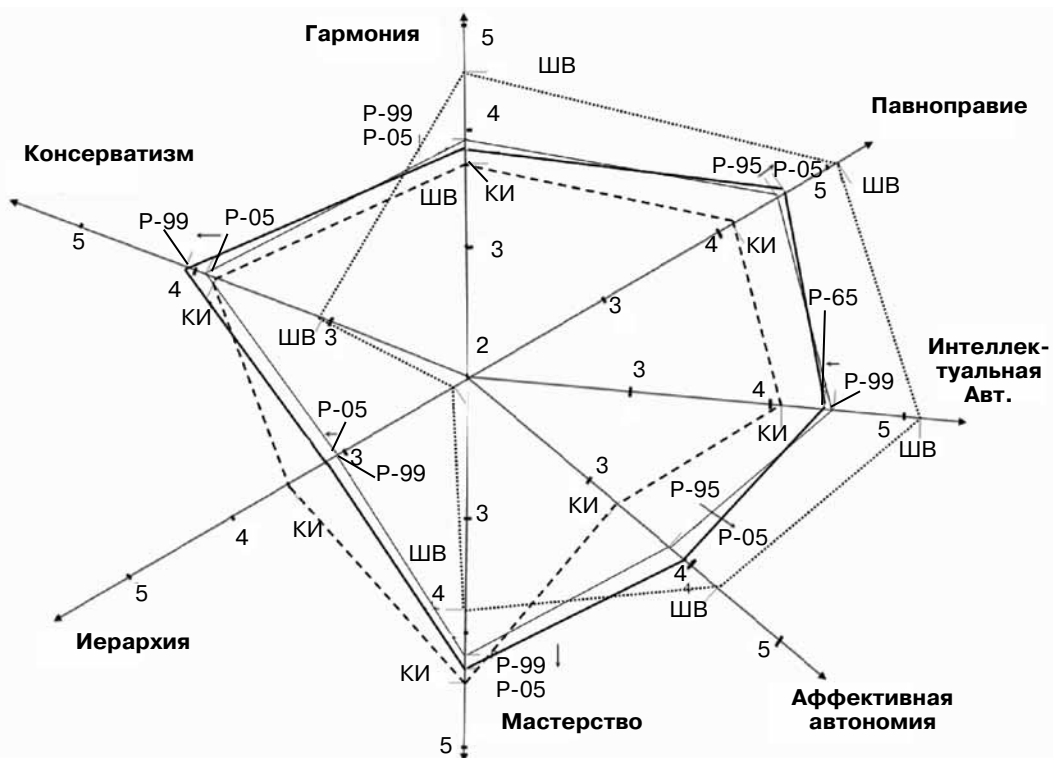

Рис. 2. Средние значения по блокам ценностей, полученные в России в 1999 и 2005 гг., в сравнении с Швейцарией и Китаем

— P-99 — Россия в 1999 году
 — P-05 — Россия в 2005 году
 ШВ — Швейцария
 - - - - КИ — Китай

3. КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСИ ИЗМЕРЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Мы предлагаем новый теоретико-методологический подход к группировке культурных ценностей опросника Шварца, основанный на результатах факторного анализа и осмыслении ценностных приоритетов личности в русской культуре.

Теоретический анализ эмпирического результата факторизации ценностей включал в себя:

- 1) подход к ценностям с точки зрения личности, а не общества (варианты решения личностью основных проблем своей жизни в социуме);
- 2) добавление дополнительных (сходных) ценностей в выделившиеся блоки и проверка этих блоков на согласованность — чтобы они измеряли один и тот же конструкт.

Согласно результатам факторного анализа и последующего теоретического осмысления, варианты решения личностью трех основных проблем, с которыми сталкивается человек в русской культуре (возможно, не только в русской), таковы:

1. **Стабильность жизни — Самореализация.** В своем более широком смысле это противопоставление включает решение человеком проблемы сохранения достигнутого, гарантии стабильности или стремления к непрерывному развитию и новым достижениям (следуя русской поговорке, выбор между «синицей в руках» и «журавлем в небе»), дихотомия «гарантии — возможности», особенно актуальная в эпоху модернизации.

На полюсе **Стабильности жизни** сосредоточены ценности: *национальная безопасность, уважение традиций, защита семьи, здоровье, благосостояние.* На другом полюсе, **Самореализации**, преобладают ценности: *независимость, умелость, выбор собственных целей, интеллект, любознательность, успех, широта взглядов, честолюбие, ответственность.*

Эта ось во многом согласуется с эмпирически выделенной Инглхартом осью Выживания — Саморазвития (материалистические — постматериалистические ценности). Акцент на ценностях Самореализации способен обеспечить нациям успех в постиндустриальную эпоху.

2. Доминирование — Равенство. В этом противопоставлении личность в культуре решает проблему отношений с другими людьми, а именно — стремление к выстраиванию вертикальных (иерархических) или горизонтальных (равноправных) отношений с ними. Если в культуре преобладают личности, ценящие *власть, авторитетность, влияние*, то такие культуры будут ближе к полюсу **Доминирования**. Если же личность в культуре больше стремится к выстраиванию горизонтальных, отношений «на равных» с другими людьми, то в таких культурах преобладают личности, ценящие *равенство, социальную справедливость, честность, умеренность, обязательность*, и такие культуры тяготеют к полюсу **Равенства**.

Эта ось во многом сходна с измерением Шварца **Иерархия — Равноправие**, но есть и существенное отличие — полюса **Равноправие** (у Шварца) и **Равенство** (у нас) не идентичны по смыслу: в России в этот полюс дополнительно с ценностями, отмеченными Шварцем: *равенство, социальная справедливость, честность, верность* — входят ценности: *скромность, умение прощать, умеренность, довольство своим местом*, которых нет в блоке Шварца, т.е. ценности *добровольного самоограничения* ради сохранения групповой гармонии.

3. Поиск удовольствий — Духовность. В этом противопоставлении решается проблема отношения человека с собой и окружающим миром, поиск смысла своей жизни в нем (стремление к внутренней гармонии или внешней стимуляции). На одном полюсе концентрируются ценности гармонии с внешним и внутренним миром (*мир прекрасного, единство с природой, духовная жизнь, защита окружающей среды, творчество, зрелая любовь, уединение*) — это ценности **Духовности**. На другом полюсе сосредоточены такие ценности, как *удовольствие, интересная жизнь, разнообразие жизни, настоящая дружба, наслаждение, потакание себе*, — это ценности **Поиска удовольствий**.

Данное измерение относится к поиску смысловых стимулов организации жизнедеятельности личности, ее смысложизненных ориентиров. Решение этой проблемы в пользу ценностей **Поиска удовольствий** может проявляться в культуре в акценте на получении наслаждения «здесь и теперь» (алкоголь, наркотики, секс, «тусовки», игра, путешествия, смена впечатлений), ведущих к ощущению полноты жизни. Решение данной проблемы в пользу ценностей **Духовности** может проявляться в культуре в акценте на поиске смысла жизни в самодостаточности и в связях с духовной красотой мира (созерцание природы и произведений искусства, собственное творчество, религиозные переживания, неэгоистическая любовь, мудрость), что также дает ощущение полноты жизни.

Это, возможно, самая культурно-специфическая ось. Хотя полюс **Поиск удовольствий** почти полностью тождественен **Аффективной Автономии**, выделенной Шварцем, у нас ему противостоит не **Консерватизм**, как у Шварца, а **Духовность**, ценности которой во многом напоминают ценности **Гармонии** у Шварца. Ценности духовности упоминаются многими исследователями ценностей российской культуры. Мы разделяем мнение Е.Г. Ясина, что это — не только религиозное понятие, в него входят многообразные духовные запросы: интерес к литературе, произведениям искусства, творчество, созерцание красоты в природе и мире, т.е. склонность руководствоваться не только материальными мотивами — «не хлебом единым».

В рамках данной методологии выявлена следующая динамика ценностей: по всей выборке наблюдается рост ценностей **Стабильности жизни и Поиска удовольствий**; у учителей наблюдается значимый рост ценностей **Стабильности жизни, Равенства и Доминирования**; у студентов наблюдается рост ценностей **Стабильности жизни и Равенства**. Между Центром и регионами в 2005 г. наблюдаются следующие значимые различия: в регионах более значимы ценности **Стабильности жизни, Равенства и Доминирования** (табл. 2).

а) Временная перспектива

Согласно данным социологических исследований, проведенных в начале третьего тысячелетия (*Муздыбаев*), большая часть россиян была ориентирована на прошлое, и очень малое количество людей были ориентированы на будущее (в основном в эту группу вошли студенты).

Таблица 2

Средние значения по блокам ценностей (в методологии Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко)

Ценности	Вся выборка		Студенты		Учителя		Данные 2005 г.	
	1999	2005	1999	2005	1999	2005	Центр	Регионы
Стабильность жизни	4.7**	4.9**	4.5*	4.7*	4.8***	5.2***	4.6***	5.1***
Самореализация	4.8	4.8	4.8	4.9	4.7	4.7	4.8	4.7
Равенство	4.0	4.0	3.6*	3.8*	4.3*	4.5*	3.9***	4.2***
Поиск удовольствий	3.9*	4.1*	4.3	4.3	3.6	3.7	4.1	4.0
Доминирование	3.0	3.0	3.3	3.2	2.8*	3.0*	2.9**	3.2**
Духовность	4.2	4.2	4.1	4.1	4.3	4.4	4.2	4.2

** – различия достоверны на уровне $p < 0,01$

* – различия достоверны на уровне $p < 0,05$

На какой временной промежуток россияне могут планировать свое будущее? С этой целью респондентам задавался вопрос: «На какой промежуток времени вперед Вы можете планировать свою жизнь?», и предлагались различные варианты ответов, характеризующих разную длительность планирования. На рис. 3 и 4 можно видеть процентные распределения ответов на данный вопрос у жителей регионов и Центра, а также у молодежи и взрослых. Согласно результатам, приведенным на этих гистограммах, фактически россияне могут планировать свое будущее на очень короткий временной промежуток.

Между размерами временных промежутков жителей регионов и Центра не обнаружено статистически достоверных различий. Как показывают данные, представленные на рис. 3, большинство россиян могут планировать свою жизнь в пределах 1–5 лет (65% среди жителей Центра и 60% среди жителей регионов). Значительно меньшая, но все равно довольно представительная доля россиян совсем не может планировать свою жизнь (22% среди жителей Центра и 25% среди жителей регионов). По 5% респондентов обеих категорий могут планировать свою жизнь на 6–10 лет вперед, остальные варианты ответов выбрало очень незначительное количество людей.

Тот факт, что большинство россиян могут планировать свое будущее хотя бы на короткий срок, свидетельствует о зачатках некоторой экономической и политической стабильности общества. Однако все же примерно четверть опрошенных не в состоянии планировать свое будущее, и это вряд ли является следствием личностных особенностей этих людей. Мы проанализировали, какие категории населения вошли в эту группу, и выявили, что преимущественно эта группа состоит из учителей, то есть работников организаций, находящихся на бюджетном финансировании.

На какой промежуток времени вперед вы можете планировать свою жизнь?

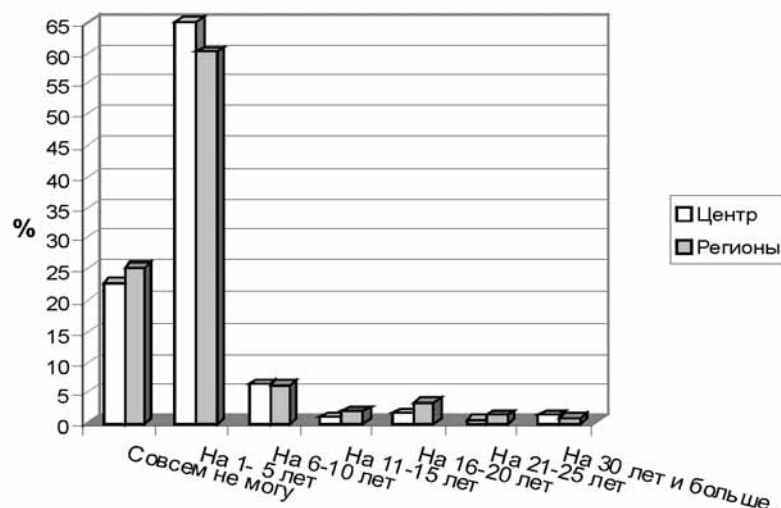

Рис. 3. Временная ориентация жителей регионов и Центра (в %)

На рис. 4 приводятся процентные распределения ответов молодежи и взрослых. Ответы молодежи и взрослых статистически достоверно различаются — молодежь стремится планировать свою жизнь на более длительный промежуток времени, чем взрослые. Как показывают данные, представленные на гистограмме, если среди молодежи только 15% ответивших вообще не могут планировать свое будущее, то среди взрослых таковых уже 38% респондентов. Планировать на 1–5 лет вперед свое будущее могут 71% молодых людей и 48% взрослых. Остальные варианты ответов выбрало очень незначительное количество респондентов. Тому факту, что временная ориентация молодежи несколько превышает аналогичную ориентацию взрослых, можно дать два объяснения. Во-первых, молодежь, начиная свой жизненный путь, *стремится* планировать свое будущее. Во-вторых, большинство молодых людей в силу небольшого жизненного и социального опыта, возможно, склонны в глубине души считать, что их жизнь и судьба сильнее подвержена их контролю, чем это может быть на самом деле.

На какой промежуток времени вперед вы можете планировать свою жизнь?

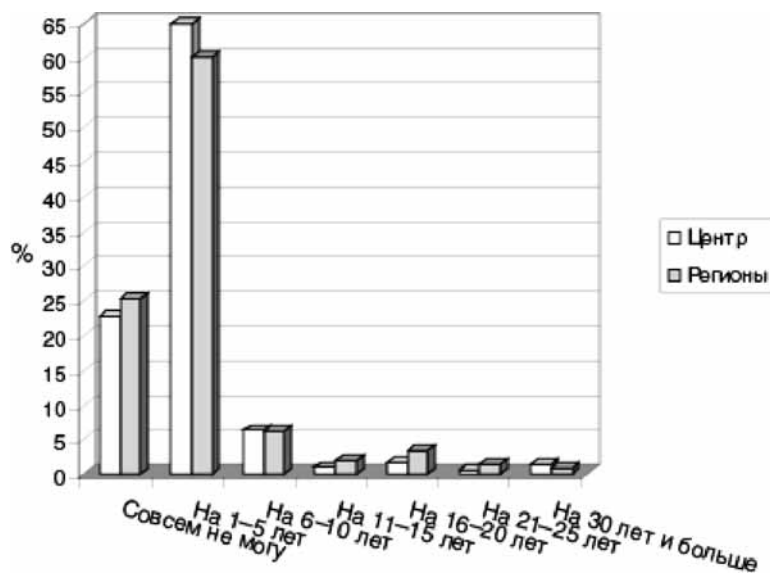

Рис. 4. Временная ориентация молодежи и взрослых (в %)

Таким образом, нельзя сказать, что в настоящее время у россиян сформирована долгосрочная временная перспектива, однако более 60% россиян утверждают, что они могут планировать свою жизнь на временной промежуток от 1 до 5 лет (для сравнения — в одном из наших кросс-культурных проектов китайцы указали средний срок планирования своей жизни — 25 лет).

б) Уровень религиозности

Приведенные на рис. 5 процентные распределения ответов россиян на вопрос, касающийся религиозности, указывают, что в целом верующими и допускающими существование высших сил считают себя 80% опрошенных, атеистами и безразличными к религии — 20%. Выборка в основном представлена двумя категориями людей — допускающими существование высших сил (33%) и т.н. слабо воцерковленными верующими, т.е. имеющими веру, но не соблюдающими всех церковных обрядов (36%).

На фоне верующих довольно мал процент атеистов и людей, безразличных к религии (7% и 13% соответственно, в сумме 20%). Но процент воцерковленных верующих (соблюдающих все необходимые требования церкви) тоже невелик (11%). Таким образом, 47% россиян являются в той или иной степени верующими людьми, 20% неверующими и 33% составляют промежуточную группу.

Статистический анализ показал, что между молодежью и взрослыми нет достоверных различий в уровне религиозности, а вот жители регионов оказались статистически достоверно более религиозными, чем жители Центра.

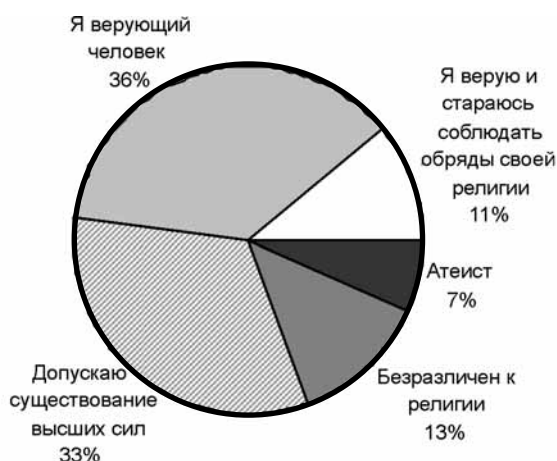

Рис. 5. Уровень религиозности россиян

4. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем исследовании оценивались два компонента социального капитала — уровень межличностного доверия и уровень институционального доверия. Также мы посчитали необходимым включить в структуру социального капитала «силу» и позитивность гражданской идентичности, которая также является социальным капиталом поликультурного общества.

Согласно опросам, проведенным с помощью методики *World Values Survey* (вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?»), в 1990 г. 34,7% опрошенных россиян полагали, что большинству людей можно доверять, в 1999 г. — уже 22,9%. Согласно результатам нашего опроса, представленным в табл. 3, согласие с этим вопросом в настоящее время выразили только 22% россиян. Таким образом, уровень межличностного доверия россиян с начала 90-х годов XX века не только не вырос, но несколько снизился.

Таблица 3

Процентные распределения ответов на вопросы, измеряющие уровень межличностного доверия

Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?	Молодежь	Взрослые	Регионы	Центр	Всего по выборке
Не согласен	57,1	47,5	53,6	51,6	53,1
Не знаю, не уверен	23,9	24,8	23,7	25,0	24,3
Согласен	19,0	26,1	22,2	22,2	22,0
Считаете ли вы, что большинство людей при малейшей возможности будут использовать вас в своих целях или они будут относиться к вам по-честному?	Молодежь	Взрослые	Регионы	Центр	Всего по выборке
Будут использовать в своих целях	43,3	42,2	39,5	46,8	42,8
Не знаю, не уверен	34,3	28,9	33,6	30,2	32,0
Будут относиться по-честному	22,4	27,3	26,4	21,8	24,5

Результаты, приведенные в табл. 3, позволяют отметить, что в целом *уровень межличностного доверия* у молодежи несколько ниже, чем у взрослых, однако статистически эти различия не значимы. У жителей регионов и центра России уровень межличностного доверия примерно одинаков. Таким образом, основные различия в уровне доверия лежат скорее между представителями разных поколений и мало зависят от региона проживания.

Рассмотрим уровень *институционального доверия*. Чтобы понять, насколько россияне в целом доверяют различным социальным институтам, были вычислены средние значения по всей выборке, характеризующие уровень доверия каждому из социальных институтов (рис. 6).

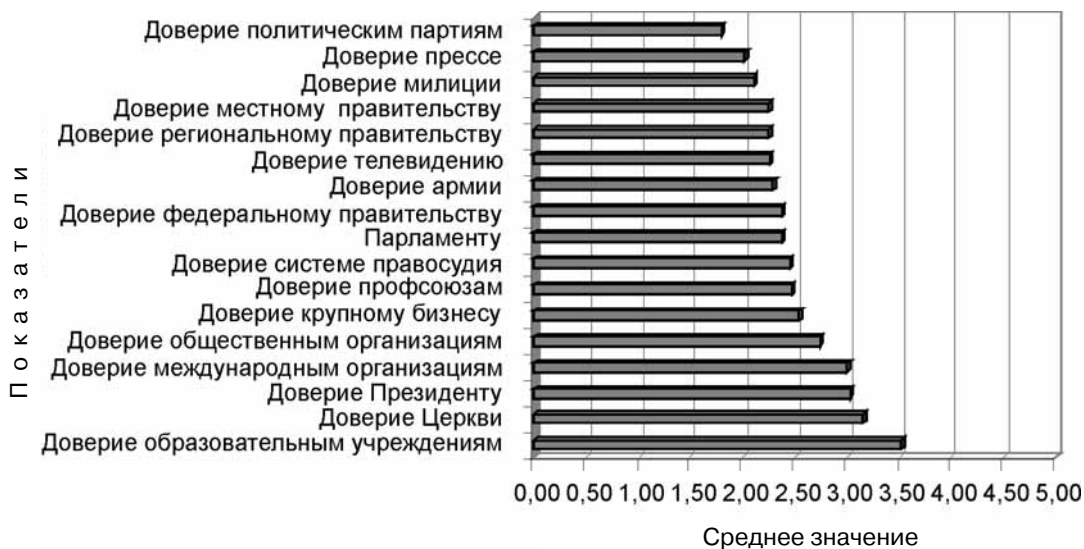

Рис. 6. Институциональное доверие россиян (вся выборка N = 903)

Как показывают данные, представленные на гистограмме, все социальные институты по уровню доверия им со стороны россиян можно разделить на три категории.

Первая категория — социальные институты, которым россияне мало доверяют. Это политические партии, пресса, милиция, местное правительство, региональное правительство, телевидение, армия, федеральное правительство, парламент.

Вторая категория — социальные институты, пользующиеся средним уровнем доверия россиян — система правосудия, профсоюзы, крупный бизнес.

Третья категория — социальные институты, уровень доверия россиян к которым выше среднего. Это общественные и международные организации, Президент, Церковь, образовательные учреждения.

Если взять полярные по критерию доверия россиян социальные институты, то на полюсе недоверия окажутся *политические партии, пресса и милиция*, а на противоположном полюсе максимального доверия — *образовательные учреждения, Церковь и Президент*.

Обращает на себя внимание также тот факт, что общественные и международные организации пользуются значительно большим доверием россиян, чем правительство (местное, региональное, федеральное) и парламент. То есть общественным организациям россияне доверяют больше, чем государственным органам управления.

Примечательным фактом является то, что россияне в большей степени демонстрируют «горизонтальное» доверие (доверие образовательным учреждениям, Церкви, международным организациям) и в меньшей степени «вертикальное» (доверие политическим партиям, милиции, правительству, армии, парламенту).

Выше мы сравнивали доверие со «смазкой» механизма социальных отношений. **Гражданскую идентичность** можно образно назвать «социальным клеем», скрепляющим детали этого механизма, и тем важнее роль этого «клея», чем более поликультурным является общество. Россия, на территории которой проживают представители более 150 этнических групп, несомненно, принадлежит к поликультурным странам.

В исследовании рассматривались две характеристики гражданской идентичности: ее «сила» (четкость, выраженность) и валентность (в данном случае степень позитивности).

В табл. 4 приводятся средние значения показателей характеристик идентичности, и оценивается достоверность их различий.

Достоверных различий между показателями характеристик идентичности у жителей регионов и центра России не выявлено. Как видно из таблиц, среднее значение «силы» гражданской идентичности россиян (и в регионах, и в Центре) примерно равно 3 баллам. На шкале значение в 3 балла соответствует амбивалентному варианту ответа: «Иногда я ощущаю себя представителями своего государства, а иногда — нет». То есть гражданскую идентичность россиян нельзя назвать четкой и сформированной. Природу этой «слабости» гражданской идентичности можно объяснить тем, что все респонденты относительно не-

давно были гражданами другого государства — СССР. Поэтому российская идентичность у нынешнего поколения россиян не до конца сформирована.

Таблица 4

Средние значения показателей характеристик гражданской идентичности россиян¹

Переменные	Молодежь	Старшее поколение	Центр	Регионы
«Сила» (выраженность) гражданской идентичности (min = 1 балл; max = 5 баллов) ¹	3,2***	2,9***	3,07	3,07
Валентность гражданской идентичности (min = 1 балл; max = 5 баллов)	4,7***	3,3***	4,07	4,27

*** — достоверность различий $p < 0,001$

Формирование идентичности — сложный и длительный процесс, который начинается в детском и подростковом возрасте, поэтому невозможно быстро и бескризисно поменять идентичность гражданина «советской империи» на идентичность россиянина. В пользу данного объяснения свидетельствует тот факт, что у молодежи гражданская (российская) идентичность более выраженная, чем у взрослых.

Валентность идентичности жителей регионов и Центра в целом позитивна и также не имеет статистически достоверных различий. В наших предыдущих исследованиях было показано, что эти две характеристики идентичности не связаны между собой, они независимы. Поэтому позитивность гражданской идентичности россиян может вполне сочетаться с ее неопределенностью.

Сравнительный анализ характеристик гражданской идентичности молодежи и взрослых позволил выявить межпоколенные различия обеих ее характеристик. Молодежь имеет, во-первых, более «сильную» гражданскую идентичность и, во-вторых, значительно более позитивную, чем взрослые. Это благоприятные показатели для формирования социального капитала, который способствует экономическому развитию.

5. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

Рассматриваемые в работе экономические установки характеризуют субъективное отношение человека к своему материальному положению. В число установок, которые изучались в нашем исследовании, вошли: установки на экономическую самостоятельность и экономический патернализм, восприятие изменений своего благосостояния за последние два года и прогноз его изменений в будущем году.

Интегральным показателем восприятия собственного материального положения является субъективный экономический статус (СЭС). Субъективный экономический статус является одним из компонентов экономической идентичности личности.

Для выявления статистической достоверности отмеченных различий использовался *t*-критерий Стьюдента (табл. 5.).

Как свидетельствуют результаты, приведенные в табл. 5, молодежь и жители Центра оценивают свой СЭС выше, чем взрослые и жители регионов. И если различие между оценками своего СЭС жителями регионов и Центра, хотя и достоверное, но незначительное, то между оценками СЭС молодежи и взрослых различия выражены намного сильнее.

Неужели взрослые имеют более низкое экономическое положение, чем молодежь, которая, в основном, представлена студенчеством? Наиболее вероятным объяснением этого феномена может служить то, что субъективный экономический статус тесно связан с *удовлетворенностью* собственным благосостоянием. Корреляционный анализ подтверждает эту гипотезу: субъективный экономический статус и уровень удовлетворенности материальным благополучием имеют высокосвязную связь ($r = 0,57$; $p < 0,001$). Таким образом, люди могут объективно иметь высокий доход, но быть неудовлетворенными им и, соответственно, занижать свой экономический статус, воспринимая себя недостаточно обеспеченными. Таким образом, взрослые россияне менее удовлетворены своим материальным благосостоянием и, соответственно, оценивают свой СЭС как более низкий.

¹ Так как используемые в исследовании методики содержали шкалы, имеющие различную размерность, здесь и далее в каждой из таблиц рядом с каждым из показателей указывается максимум и минимум шкалы, чтобы читатель мог судить о величине средневыворочного значения показателя.

Таблица 5

Достоверность различий в экономических установках различных категорий населения россиян²

Переменные	Молодежь	Старшее поколение	Центр	Регионы
Субъективный экономический статус (min = 1 балл, max = 10 баллов)	5,0***	3,6***	4,67*	4,06*
Экономическая самостоятельность (min = 1 балл, max = 7 баллов)	5,37***	4,0***	4,98*	4,66*
Экономический патернализм (min = 1 балл, max = 7 баллов)	4,30***	4,77***	4,30**	4,68**
Рост благосостояния за последние 2 года жизни (оценка изменений)	3,48***	1,18***	3,32**	3,11**
Рост благосостояния за последние 2 года жизнью (ожидания)	3,58***	1,12***	3,47***	3,13***

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Однако если рассмотреть ответы взрослых и молодежи на вопросы, касающиеся оценок изменения материального благосостояния за последние 2 года и прогноза его изменений в будущем году, то обращает на себя внимание тот факт, что молодежь в обоих случаях отмечает улучшение материального положения, а взрослые — его ухудшение. Эти результаты, во-первых, еще раз подтверждают гипотезу о большей неудовлетворенности взрослых, по сравнению с молодежью своим материальным благосостоянием и, во-вторых, указывают на то, что материальное положение взрослых, вошедших в выборку, действительно хуже и продолжает ухудшаться. Не стоит забывать, что взрослая часть нашей выборки представлена преимущественно учителями, а их доход в настоящее время, как говорится, «оставляет желать лучшего». Сопоставление ответов на данные вопросы по региональному критерию, показывает, что, во-первых, жители регионов и центра России отмечают незначительное улучшение своего благосостояния за последние 2 года и ожидают его улучшения в будущем. И, во-вторых, жители «благополучного» центра отмечают более значительное улучшение своего материального положения, по сравнению с жителями регионов.

В отношении установок респондентов на экономическую самостоятельность и экономический патернализм можно сказать следующее. Средние значения ответов на вопросы указывают, что у россиян присутствуют как установки на экономическую самостоятельность, так и на экономический патернализм. Сопоставление ответов, характеризующих две данные установки с помощью критерия *W*-Уилкоксона, позволяет утверждать, что **в выборке преобладают установки на экономическую самостоятельность** ($p < 0,001$). Не стоит забывать, что выборка состояла из студентов и учителей (300 учителей, 527 студентов и 76 взрослых иных специальностей), поэтому, вероятно, что у других категорий населения (предприниматели, менеджеры и др.) установки на экономическую самостоятельность будут выражены еще сильнее. В данной связи можно вспомнить, что в процессе социально-психологических исследований предпринимателей³, проведенных в конце 90-х годов, было выявлено, что предприниматели не ждут никакой помощи от государства и более того, им хотелось, чтобы государство хотя бы не мешало их работе. Таким образом, они демонстрировали ярко выраженные установки на экономическую самостоятельность.

Тем не менее не стоит забывать, что установки на экономический патернализм в выборке тоже присутствуют. Видимо, за годы советской власти этот патернализм очень плотно вошел в сознание населения. Ведь раньше все давало государство — квартиру, путевки в санатории, дачу, 13-ю зарплату и многое другое. Это воспитывало лояльность к государству, люди привыкали не зарабатывать, а заслуживать, отстаивать очереди, дожидаться. Все давало государство, и человек должен был быть ему благодарным за это. Поэтому должно пройти время, чтобы население освободилось от веры в то, что государство ему

² Так как используемые в исследовании методики содержали шкалы, имеющие различную размерность, здесь и далее в каждой из таблиц рядом с каждым из показателей указываются максимум и минимум шкалы, чтобы читатель мог судить о том, насколько велико или, наоборот, незначительно средневыборочное значение показателя.

³ Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства, 1999.

что-то должно (и самое главное — будет это для них делать), и стало экономически самостоятельным и независимым.

Результаты, представленные в табл. 5, также указывают, что установки на экономическую самостоятельность больше выражены у молодежи, а установки на экономический патернализм — у старшего поколения. Эти различия являются еще одним свидетельством в пользу того, что происходит изменение экономических установок россиян. Только идет оно не столь быстро, как хотелось бы.

Между жителями регионов и центра России также наблюдаются аналогичные различия — у жителей Центра в большей мере выражены установки на экономическую самостоятельность и в меньшей — на экономический патернализм.

6. ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Далее, с помощью множественного регрессионного анализа мы оценивали взаимосвязь культурно-специфических ценностей и других культурных факторов (временная перспектива и уровень религиозности) с социально-экономическими установками россиян.

С помощью регрессионного анализа выявлено, что наиболее продуктивным для экономического развития является влияние таких культурных измерений, как **Самореализация, Временная перспектива, Поиск удовольствий и Уровень религиозности**.

Такие блоки ценностей, как **Стабильность жизни, Доминирование и Равенство**, в экономическом отношении не являются продуктивными, поскольку поддерживают установки экономического патернализма (рис. 7).

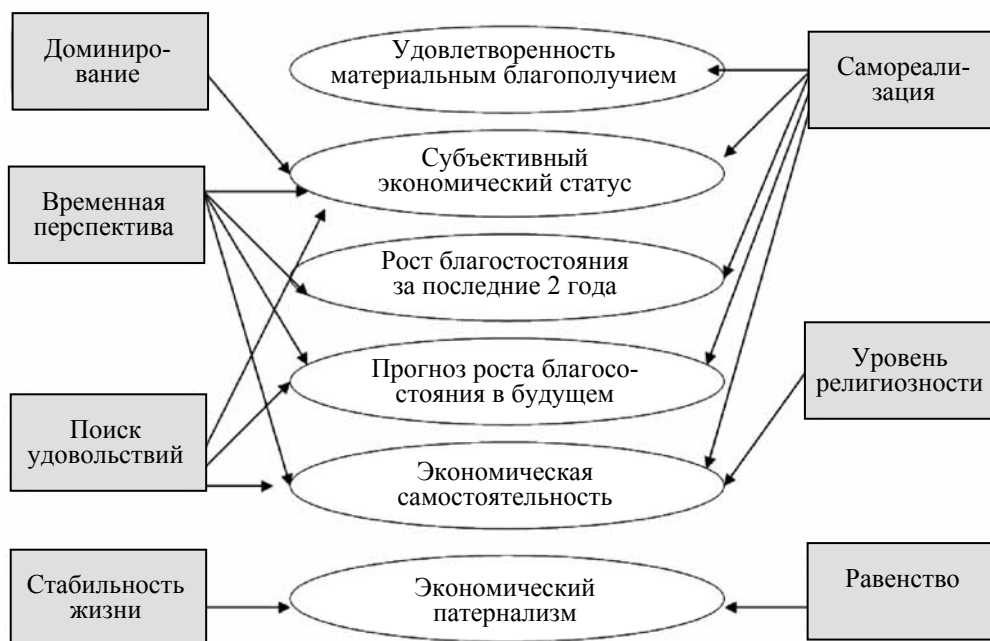

Рис. 7. Взаимосвязь культурных факторов и экономических установок

На демократические социально-политические установки наиболее позитивное влияние оказывают ценности **Самореализации, Духовности и Временная перспектива**. Ценности **Равенства** оказывают амбивалентное влияние, поддерживая как демократические, так и авторитарные социально-политические установки. Негативное влияние на социально-политические установки оказывают ценности **Стабильности жизни и Доминирования**, поддерживая одобрение политического авторитаризма и этническую интолерантность (рис. 8).

На психологическое благополучие личности положительно влияют такие блоки ценностей, как **Стабильность жизни, Самореализация и Временная перспектива** (рис. 9).

Рис. 8. Взаимосвязь культурных факторов и социально-политических установок

Рис. 9. Взаимосвязь культурных измерений, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью

Если мы хотим, чтобы в стране была эффективная экономика, демократия и люди были удовлетворены своей жизнью, необходимо усиливать значимость ценности **Самореализации** и формировать **Временную перспективу**. Наряду с этим должна снижаться значимость ценностей **Стабильности жизни** и **Доминирования**, как не способствующих развитию экономики, демократии и удовлетворенности жизнью.

Построенные по данным регрессионного анализа модели совокупного влияния измерений культуры и социального капитала показали, что наиболее благотворное влияние на экономическое развитие оказывают ценности **Самореализации**, **Поиска удовольствий**, **Духовности**, **Временная перспектива** и **Уровень религиозности** напрямую (и через **уровень межличностного доверия**, **силу** и **позитивность гражданской идентичности**). Это — созидательный потенциал российской культуры и социального капитала, способствующий развитию экономики благодаря личной энергии, труду и гражданской ответственности россиян. Ценности **Доминирования** и зависимый от них **уровень институционального доверия** — блок социокультурных установок на экономическое развитие, управляемое «сверху», ожидание всех благ от власти и близости к ней (рис. 10).

На психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью влияют такие культурные измерения, как **Духовность**, **Стабильность жизни**, **Самореализация**, **Поиск удовольствий**, **Уровень религиозности**, **Временная перспектива**, и такие показатели социального капитала, как **уровень межличностного доверия**, **сила** и **позитивность гражданской идентичности** (рис. 11).

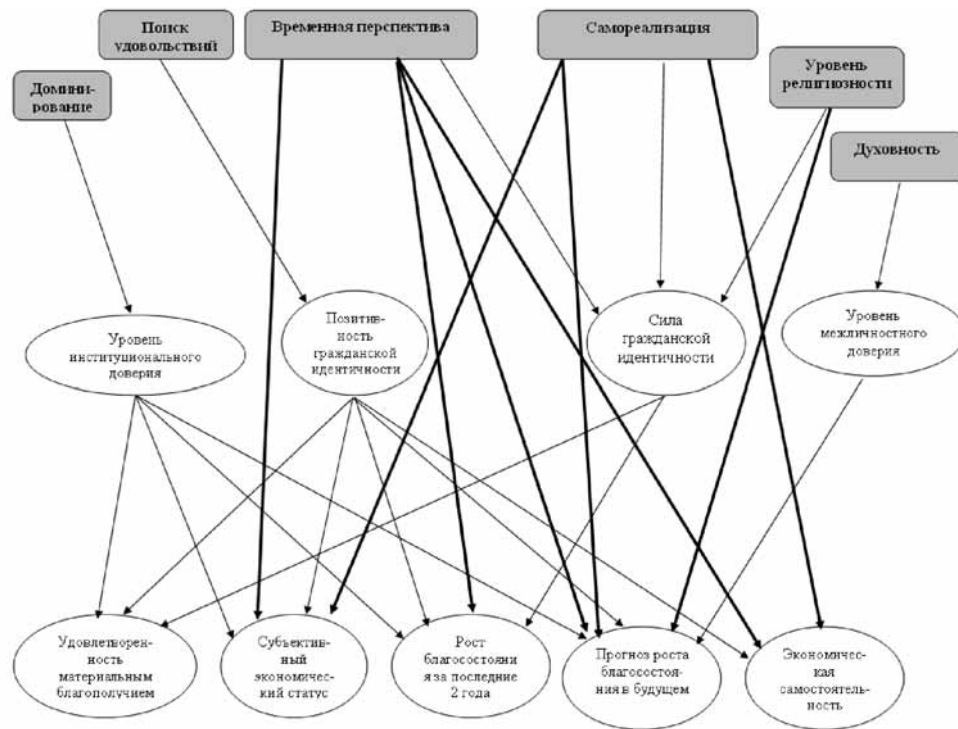

Рис. 10. Модель влияния культуры и социального капитала на продуктивные экономические установки

Рис. 11. Модель влияния культуры и социального капитала на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью

Ценности **Доминирования, Равенства и уровень институционального доверия** не оказывают влияния на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью. Это говорит о том, что ценностно-мотивационный базис авторитаризма, «вертикального» устройства общества не приносит людям счастья и благополучия.

Результаты исследования показывают, что самореализация россиян может осуществляться двумя разными способами: через стремление к власти, достижению успеха, деньгам и удовольствию (что больше способствует, на данный момент, экономическому развитию) и путем интеллектуально-духовной самореализации, сопровождаемой высоким уровнем религиозности, стремлением к равенству и принятием культурно-иных, осуждением дискриминации и «спокойным» отношением к деньгам (что меньше способствует экономическому развитию, но способствует социальной гармонии и стабильности).

Под этим набором характеристик, на наш взгляд, кроются две разные ролевые модели жизни и поведения: модель поведения власти, бизнеса (материалистическая, конкурентная) и модель поведения «общины» (идеалистическая, неконкурентная). *Община*, противодействуя власти, выполняет амбивалентные функции: в условиях неэффективного руководства компенсирует его, в условиях эффективного управления противодействует

внедрению инноваций. Единство и противоречие ценностей Доминирования и Равенства во взаимодействии власти и общины на разных уровнях и в разных сферах, по нашему мнению, является крупнейшей национальной «ловушкой».

Возможные конкурентные преимущества наших ценностей и культурных отличий в эпоху постматериализма: стремление к творческому самовыражению в труде, изобретательность, широта взглядов, принятие культурного многообразия, стремление к справедливости для всех, способность к высоким формам духовного опыта, непривязанность к материальному, возможность выработки модели управления, основанной на принципе справедливости, — опора на них позволит высвободить творческие начала национальной культуры.

Анализ разнонаправленных изменений в российской культуре привел нас к необходимости понимания культуры как системы, в которой все элементы взаимосвязаны. В каждом обществе на разных этапах его развития разные ценностные приоритеты и разные типы социального капитала обеспечивают его продуктивное развитие. При смене одной модели общества на другую неизбежна смена ценностных приоритетов, что и показывают результаты нашего исследования. Важно, чтобы система обладала всеми необходимыми «кирпичиками» для строительства, и то, что кажется сегодня непродуктивным, не отбрасывалось бы «за ненадобностью». Наша ценностная система обладает всем необходимым как для «рывка», так и для дальнейшего устойчивого развития.

Вступление на путь модернизации жизни общества (экономики, политики, культуры) неизбежно влечет за собой изменение системы ценностей. На основе анализа произошедших и предстоящих ценностных изменений можно выдвинуть ряд актуальных задач в сфере развития экономики, политики и образования:

- усвоение и формирование т.н. «продуктивных» ценностей и элементов социального капитала, способствующих экономическому развитию;
- определение и развитие уникальных ценностей и элементов социального капитала, дающих нам конкурентные преимущества;
- выращивание социальных институтов, помогающих в полной мере «сработать» ценностям Самореализации;
- последовательная демократизация и гуманизация власти и общества;
- преодоление личной пассивности и самоорганизация «на местах» ради лучшей жизни своей и своих детей;
- построение реального диалога государственной власти и народа с обеих сторон;
- повышение ценности личности и человеческой индивидуальности в обществе;
- адаптация системы образования и воспитания детей к развитию креативности и неконформизма;
- воспитание толерантности к разнообразию (культурному, идейному, мнений);
- приближение системы образования и воспитания к реалиям жизни, формирование широких социальных компетенций, воспитание активных и ответственных граждан, способных к принятию самостоятельных решений.

В заключение следует сказать, что развитие личности, как и развитие общества немислимо без свободы. Уверенность в себе, самоуважение, чувство нужности людям, востребованности обществом является неотъемлемой предпосылкой становления личности. Поэтому для развития личности и общества необходимо развитие свободы не только как средства, но и как цели, которая важна сама по себе.

Разумное, трезвое и бережное отношение к культуре не как к «лавке древностей», а как к живой системе, способной к адаптации и изменениям, которую мы все своим неравнодушным и творческим трудом создаем, храним и развиваем, передаем своим детям и внукам, делает и нас самих зрелыми, ответственными и свободными. Для того чтобы у нас все получилось, нужно просто верить в себя.

Согласно результатам многих исследований ценности — достаточно устойчивый элемент культуры, в сравнении с которым социальный капитал — более подвижный, но не менее эффективный конструкт. Его структура, законы формирования и развития, его кросс-культурные разновидности и особенности влияния на жизнь человека и общества — важная и увлекательная тема дальнейших исследований в рамках научной парадигмы «культура и развитие общества».

ЛИТЕРАТУРА

- Коулмэн Дж.* Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулмэн // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 3.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. — М.: Изд-во Московской школы политических исследований, 2002.
- Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. — М.: Изд-во Ключ-С, 1999.
- Лебедева Н.М.* Ценности культуры и развитие общества / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. — М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007.
- Муздыбаев К.* Что выбирает россиянин — прошлое, настоящее или будущее? [Электронный ресурс] / К. Муздыбаев. — Электронные дан. — Режим доступа: http://www.informnauka.ru/rus/2001/2001-02-09-0505_r.htm, свободный.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. — М., 1996.
- Радаев В.В.* Экономическая социология / В.В. Радаев. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005.
- Селищев А.С.* Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев. — СПб.: Питер, 2004.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства, 1999.
- Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. — СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004.
- Этническая толерантность в поликультурных регионах России / под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. — М.: Изд-во РУДН, 2002.
- Altman M.* Culture, human agency, and economic theory: culture as a determinant of material welfare. *Journal of Socio-Economics*. — 30. — 2001.
- Dayton-Johnso, J.* Social cohesion and economic prosperity. — Halifax: Formac. 2001.
- Fukuyama F.* Trust: The social Virtues and the Creation Prosperity. — New York: Free Press. 1999.
- Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). — Beverly Hills CA: Sage, 2001.
- Inglehart R.* Culture and democracy. In L. E. Harrison & S. P. Huntington (Eds.), *Culture matters: How values shape human progress*. — New York: Basic Books. 2000.
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press. 1997.
- Leung K. and Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. *Advances in Experimental Social Psychology*. — 36. — 2004.
- Schwartz S.* Mapping and interpreting cultural differences around the world. H.Vinken, J.Soeters & P.Ester (Eds.) *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. — Brill. 2004.
- Taylor D.* The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. — Praeger. 2002.